

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

№ 27 (327). 14 июля. (12-й год пролетарской революции) 1929 г.

и Чехов никаких паспортов не брал, да с него и не требовали. Стоило только показать следующий бланк:

Редакция газеты
„Новое Время“
С.-Петербург, М.
Итальянская 18.
Предъявитель сего
А. П. Чехов отправляется
корреспондентом
„Нового Времени“ в
равные места России
и за границу.
Издатель А. Суворин
Редактор Федоров
1890 г. 15 апреля.

Стоило только предъявить этот бланк, для большей убедительности напечатанный по-французски, — и все нужные двери послушно открывались перед путешествующим по Сибири Чеховым. Но его путь лежал — после Сахалина — на Цейлон. Для заграничных под корреспондентский билет, хотя бы и подписанный самим Сувориным, пожалуй, не сгодился бы. Во Владивостоке пришлось выбрать заграничный паспорт. На нем обозначено:

Предъявитель врач Антон Павлович Чехов отправляется морским путем за границу.

Дан в г. Владивостоке октября 17-го 1890 г.

Деньги внесены.

Заграничный паспорт был необходим для путешествия по Великому и Индийскому океанам, — в Москве он обратился в клочок бумажки. Впрочем, в Москве можно было проживать по старому университетскому свидетельству. Для Москвы нужно было подыскать более солидные бумажные подкрепления: Чехов собирался за границу, а выехать ему, в смысле документов, было не с чем. Тогда-то и был придуман братом Антоном Павловича, Александром Чеховым, удивительный фортель. Чехов якобы поступил на государственную службу: сверхштатным младшим медицинским чиновником при медицинском департаменте министерства внутренних дел. Достаточно было на этой службе пробыть хотя бы месяц, чтобы получить „аттестат“, заменяющий паспорт. По таким аттестатам жили в России миллионы отставных чиновников. В этом аттестате значится, что лекарь Антон Павлович Чехов, приказом по министерству внутренних дел от

24-го мая 1893 года за № 8 определен сверхштатным младшим медицинским чиновником. Из этого же аттестата мы узнаем, что новый „сверхштатный младший медицинский чиновник“, начавши свою службу в департаменте 10-го мая 1893 г., „в походах против неприятеля и в сражениях не участвовал; наказаниям и взысканиям не подвергался, в отпусках он и в отставке не был, холост“. И что приказом по министерству внутренних дел от 12-го ноября 1893 года за № 30 „уволен от службы по прошению“. Так, прослужив с 10-го марта 1893 г. по 12-е ноября 1893 г., т. е. ровно девять месяцев, и за все эти девять месяцев ни разу ни двинувшись в свой медицинский департамент, Чехов стал отставным, уволенным по прошению, чиновником. И в список чеховских документов, дающих право на жительство и утверждавших право на самую жизнь, попадает еще один: бывший сын третьей гильдии купца, таганрогский мещанин, уездный лекарь, врач Чехов стал отставным сверхштатным медицинским чиновником. Пока все эти звания вполне демократические. Но вот через три года после пребывания в сонме отставных российских чиновников, Чехов — мелиховский помещик — „мирод“, как он себя называет, получает следующий „высочайший указ“:

А. П. Чехов и М. Горький. Снимок 900-х годов

Божиею милостию
Мы Николай II
Нашему потомственному лейб-медику
Почетному Талейскому сельскому училищу
Серпуховского уезда Антону Чехову
По засвидетельствованию Министерства Народного Просвещения об отличном усердии и особых трудах Ваших Всемилостивейше пожаловали Мы Вас указом в 6-й день декабря 1899 г. Капитулу давшим Кавалером Императорского и Царского ордена нашего Святого Станислава 3-й степени.
Дано в Санкт-Петербурге 29-й день декабря 1899 года.

Внуk крепостного и сын мелкого лавочника — мещанин, уездный врач, отставной младший чиновник — стал потомственным дворянином, кавалером ордена Станислава 3-й степени. Вот факт, кажется, ни одному из чеховских биографов неизвестный. Да и как им было о нем дознаться, когда Чехов ни разу — ни в одном письме — об этом высочайшем указе не упоминает и не рассказывает о нем ни одному из своих друзей! Вот то, что он получил „медаль для поощрения на шее“ за труды во время всероссийской переписи, об этом мы знали. Об этом и сам Чехов в одном из дружеских своих писем упоминает, говоря, что никаких иных наград и отличий, кроме вот этой медали, не имеет. Но почему же, все-таки, он жалован потомственным дворянином? Высочайший указ отвечает на это: за „отличное усердие“ и „особые труды“, засвидетельствованные министерством народного просвещения. Какие

„особые труды“ и о каком „отличном усердии“ идет здесь речь? Для того, чтобы ответить на это, нужно прежде всего обратиться к имениннику аттестата на которого было издано высочайшее благоволение: „почетному талейскому сельскому училищу Серпуховского уезда Антону Чехову“. Предводитель дворянства Рюмин, которого пришлось Чехову заменить в качестве наблюдающего за народным образованием в Серпуховском уезде, представил „почетному талейскому училищу“ к „высочайшей“ награде. Это представление было по заслугам; Чехов выстроил в уезде три школы, затратив на их постройку не мало времени.

Новое звание пришло к нему вместе с орденом; по статуту орденов российской империи, „Станислав“ 3-й степени давал право на потомственное дворянство. Чехов, считавший всякую фирму предпринимателем, и на потомственное дворянство как и на всякий иной титул, смотрел с мудрой усмешкой. Это было ему не нужно. Даже когда он получил звание „почетного академика“, он и тогда, выдавая жене свой отдельный паспорт, сохранил для нее звание жены врача. „Так будет пожалуй, лучше, чем быть женой академика“, — писал он. В этом сказался весь Чехов.

Юр. Соболев